

20. The Century Dictionary. Online Etymology Dictionary / Eblis. Available at: <https://www.etymonline.com/word/eblis>.

21. Avgustin o proisxozhdenii zla. Available at: <https://novochekhov.com/avgustin-o-proisxozhdenii-zla/>.

doi 10.21672/1818-4936-2021-77-1-149-152

МИФ И СКАЗКА: ВОПРОС ГЕНЕЗИСА

Проценко Ольга Юрьевна, аспирант, Пятигорский государственный университет, 357532, Россия, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9.

Выражение «сказочная реальность» – это оксюморон, потому что в сознании людей закрепилось представление о том, что сказка – это нечто нереальное, несбыточное и заведомо ложное. Сказка в том виде, в котором она существует сегодня, – фантастический жанр, который современные писатели объединяют с другими жанрами и получают новые литературные формы и сюжеты. Цикл романов Дж. Роулинг о Гарри Поттере, «Властелин колец» Р. Толкиена, «Песнь льда и пламени» Дж. Мартина – современные бестселлеры. Никто не верит в реальность описанного в этих книгах, но от этого они не теряют популярность. Всё дело в том, что в основе сюжетных линий, персонажей и конфликтов – архетипы и мифологемы, знакомые нам с детства. Это лишний раз доказывает интерес людей к всему необъяснимому.

Ключевые слова: фольклор, миф, сказка, реальность сказки, мифологический сюжет, волшебная сказка, архетип

MYTH AND TALE: QUESTION OF GENESIS

Protsenko Olga Yu., postgraduate student, Pyatigorsk State University, 357532, Russia, Pyatigorsk, 9 Kalinin Ave.

The expression "fairy-tale reality" is an oxymoron, because the idea that a fairy tale is something unrealistic, impossible and knowingly false has entrenched in the minds of people. A fairy tale in the form in which it exists today is a fantastic genre that modern writers combine with other genres and get new literary forms and plots. A series of novels by J. Rowling about Harry Potter, "The Lord of the Rings" by R. Tolkien, "Song of Ice and Fire" by J. Martin are modern bestsellers. No one believes in the reality of what is described in these books, but from this they do not lose popularity. The thing is that at the heart of storylines, characters and conflicts are archetypes and mythologies familiar to us from childhood. This once again proves people's interest in everything inexplicable.

Keywords: folklore, myth, fairy tale, reality of a fairy tale, mythological plot, fairy tale, archetype

Сегодня сказка – жанр абсолютно фантастический. Чтобы изучить его эволюцию, в данной статье обратимся к досказочным временам и тому периоду, когда люди начали складывать первые фольклорные произведения – мифы, докажем прочную связь между древним мифом и современной сказкой и разграничим их.

В первую очередь давайте задумаемся, в какой степени мифологические сюжеты реальнее сказочных? Сказки и мифы объединяет главный факт: все сюжеты подсказаны жизненным опытом. Нет ни одной волшебной сказки, в основе которой бы не было человеческого фактора. Это можно проследить во многих мифологиях и в сказочных сюжетах. В «Эпосе о Гильгамеше» мы видим, что могучий и практически неуязвимый в бою герой Гильгамеш проявляет настоящие человеческие чувства: дружбу, любовь, заботу. Он скорбит о потере своего друга Энкиду. В то же время богам тоже не чужды человеческие чувства и эмоции: ревнивая богиня Иштар в мифах междуречья, мстительная Гера в древнегреческой мифологии.

В основном все конфликты связаны именно с человеческими проявлениями и житейскими проблемами персонажей. То же касается и сказок. Европейский фольклор пестрит сюжетами завистливой мачехи, которая из зависти изводит более привлекательную падчерицу, в русских-народных сказках еще больше «человеческого фактора». Хитрые бабка и дед обманывают глупого медведя, смекалистые герои обретают

счастье, скромные и трудолюбивые девушки выходят замуж за царевичей. Сказочные персонажи испытывают реальные чувства: любовь, гнев, ревность, обиду.

В данном случае мы можем говорить о трансцендентной реальности. При этом реальность сказки нам ближе, чем реальность мифа. Чем же отличается миф от сказки? Первое, что приходит на ум – религиозная составляющая. Но, если мы рассмотрим первоначальное предназначение и функции сказок и мифов, мы увидим, что между ними можно поставить знак подобия, с той разницей, что в мифах, в основном содержатся человеческие догадки на онтологические вопросы бытия, а в сказках – воспитательная и предостерегающая функция. Но при этом мы часто встречаем мифы с глубокой житейской моралью и нравоучением и сказки с объяснениями природных явлений, истории зарождения земли и возникновения других верований. Многие мифы даже близки по своим сюжетам к сказкам, но именно сказка становится развлекательным жанром, а миф остается в истории религиозных верований. В связи с этим возникает вопрос: модель «реальность – миф – сказка» имеет место, или она не вполне правдива?

Обратимся к В. Проппу. Он первым среди ученых провел дифференциацию между мифом и сказкой. До этого момента ученые утверждали, что определенная сказка вышла из определенного мифа. Но В. Пропп растолковал волшебные сказки непосредственно-онтологично, выводя их, минуя мифологию (или привлекая ее только для подтверждения), напрямую из истории, обряда и общественных отношений. Отдавая определенную дань «связи сказки с мифом», В. Пропп, тем не менее, пишет: «...Отношение между мифом и сказкой не всегда одинаково и вопрос этот не может быть решен суммарно». И далее: «выдвигая положение о связи сказки с мифом, следует отметить, что миф не есть *causa efficiens* сказки» [7].

Эта работа является новаторской и убедительной. После нее отмирает теория десоциализации, которая утверждает, что «миф, потерявший социальную значимость, становится сказкой» [10]. Миф, в отличие от сказки, которая всегда актуальна и социально непосредственна, социален только в потенциальном плане. В отличие от мифа основную коллизию в сказке составляют человеческие отношения (даже если героями выступают животные). Сказка дидактична и это социальное качество, а в мифе дидактика как цель встречается очень редко. Например, рассмотрим древнегреческий миф о Кроносе, пожирающем своих детей. Чему учит этот миф? Он жесток, в нём есть мораль о быстротечности времени, но дидактическая составляющая отсутствует. В сказке чётко расставлены приоритеты ценностей.

В сказке всегда побеждают добро и красота, потому что принц не остаётся чудовищем, а царевна – лягушкой. Следовательно, в сказке имеет место не только этическая, но и эстетическая определённость. Это ещё один критерий, по которому мы будем разграничивать миф и сказку. Там, где мораль, гуманность и этика выступают на первый план, мы говорим о сказке. Где социальные качества не выступили на первый план или ещё не обрели аксиологическую определённость, – там миф [4; 5; 6].

Ещё один критерий, который следует добавить к красоте и добру, – правда. По ней мы также отличаем миф от сказки. Честный герой всегда побеждает лукавого злодея, такое развитие присуще сказке, чем мифу.

Для дальнейшей дифференциации сказки и мифа обратимся к современной литературной сказке и назовём в качестве её главного отличия от фольклорной – это отсутствие явного нравоучения. Причина очевидна: сказка больше не выполняет свою основную воспитательную функцию. Сказки стали индивидуализированные и архетипы, как плод бессознательного, уже не несёт первоначального смысла. Архетип – это комплекс, свойственный не человеку, но человечеству и проявляющийся при определённых обстоятельствах, как реакция на некую провокацию [12].

Архетипы двойственны. В них все противоположные начала находятся на равных [1; 2; 3; 8; 9]. Хорошего человека, как и плохого, подстерегают добро и зло на разных этапах его жизни вне зависимости от его поступков. Миф постоянно стремится стать реальностью, в отличие от сказки, которая учит чему-то, не претендуя на реальность изложенных событий. Каково же отношение мифа, сказки и архетипа? В случае с мифом архетип является провокацией: это повод для восхищения предками, сумевшими преодолеть сильнейшие неурядицы. В случае со сказкой архетип – это история наслоения всяческих знаний на событие, явление или образ. Образ принцессы архетипичен, потому что всё, что мы знаем о классическом образе, накопилось за долгий период существования этого образа.

Миф и сказка из разных миров. Миф пралогичен, а сказка логична. Мнение о том, что сказка – это такой жанр, когда «сиди и выдумывай, что в голову взбредёт, всякое лыко

в строку», на самом деле, как ни удивительно, – наиболее регулярный жанр, гораздо более «социально обязанный», чем даже поэзия. Никто не написал хорошей сказки, где зло побеждает добро, безобразие – красоту, а неправда – правду. Сказка – самовыражение устоявшейся социальности, а не становящейся, как миф. Сказка до абсурда логична и последовательна. Но все зависит от того, кем и для кого написана сказка.

Рассмотрим народную сказку о купце и его работнике, которая в редакции А.С. Пушкина называется «Сказка о попе и работнике его Балде». У Пушкина, как известно, всё кончилось щелчками, а в версии, записанной в Орловской губернии, купец с купчихой бегут из собственного дома, но работник их настигает, убивает и получает в своё распоряжение все богатства.

Сказка народная, то есть слагаемая народом. В таких условиях любой богач олицетворяет зло и виновен по определению. В данной версии сказки побеждает совсем не добро, а правда. В версии А.С. Пушкина наряду с правдой побеждает добро. В этом основная нравоучительность сказки: правда, красота и добро должны восторжествовать. В этом же и абсурд, особенно по сравнению с художественной литературой.

Сгруппируем основные различия мифа и сказки, выявленные генетическим анализом. Главное: мифы суть порождения пралогического партиципированного мышления, в силу чего они:

– равнодушны к логическим противоречиям (классический пример: противоречивое, логически необъяснимое поведение Ильмаринена в «Калевале», что, кстати, является косвенным доказательством подлинности основы текста);

– аксиологически амбивалентны (чего стоит образ Одина, который одновременно убийца и самоубийца, злодей и праведник, бог повешенных и бог поэтов);

– доисторичны;

– внеличностны;

– миф ничему не учит.

Сказки являются порождением логического причинного мышления и поэтому:

– строго «проводят» причинно-следственные связи;

– аксиология сказки однозначна. Сказки имеют конкретно-исторические корни и могут, как показал В. Пропп, даже выражать исторически определённые производственные отношения;

– сказки несут отпечаток личности сказителя, который проявляется как в момент сказывания, так и в практике пересказывания.

Список литературы

1. Petrenko A. F. The archetype of the fool/the jester/the whacky and its artistic embodiment in the characters – “outsiders” in Sergei Dovlatov's prose / A. F. Petrenko, S. A. Petrenko, N. A. Orlova, I. B. Fedotova, A. M. Kazieva // National Academy of Managerial Staff of Culture and Arts Herald. – 2019. – № 1. – С. 122–131.

2. Заврумов З. А. Онтологический статус текстообразующей иронии в авторской и персонажной сферах / З. А. Заврумов, А. М. Казиева // Университетские чтения – 2017 : материалы научно-методических чтений. – Пятигорск, 2017. – С. 117–123.

3. Казиева А. М. Авторский неомифологизм в романе Л. Улицкой «Медея и ее дети»: вектор развития / А. М. Казиева, А. О. Бродзели // Наука в современном мире: поиск инновационных и креативных решений. – Пятигорск : ПГУ, 2019. – С. 119–130.

4. Казиева А. М. Пространственно-временная организация художественного текста как конструктивная жанрообразующая категория / А. М. Казиева, А. К. Кадрбай // Гуманитарные исследования. – 2017. – № 4 (64). – С. 120–124.

5. Казиева А. М. Проявление автора как литературного персонажа в произведениях Е.Л. Шварца / А. М. Казиева, О. Ю. Проценко // Наука в современном мире: поиск инновационных и креативных решений : межвуз. сб. науч. и науч.-метод. тр., посвященный памяти профессора Л.Н. Исаева. – Пятигорск, 2019. – С. 173–179.

6. Казиева А. М. Черты романтизма в пьесах-сказках Е. Шварца / А.М. Казиева, О.Ю. Проценко // Университетские чтения – 2019 : мат-лы науч.-методич. чтений. – Пятигорск, 2019. – С. 90–94.

7. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 2000. – С. 225.

8. Проценко О. Ю. Травестирование мифологических и сказочных образов в творчестве Евгения Шварца / О. Ю. Проценко, А. М. Казиева // Гуманитарные исследования. – 2018. – № 2 (66). – С. 85–90.

9. Проценко О. Ю. Пародийность образов сказочных существ в сказках Е. Л. Шварца / О. Ю. Проценко, А. М. Казиева // Университетские чтения – 2018 : мат-лы науч.-методич. чтений. – Пятигорск, 2018. – С. 103–108.

10. Тронский И. М. Античный миф и современная сказка // С. Ф. Ольденбургу: к пятидесятилетию научно-общественной деятельности. – Л., 1934. – С. 534.

11. Шевель Е. А. Эстетическая игра в художественном тексте / Е. А. Шевель, А. М. Казиева // Русскоязычие и би(поли)лингвизм в межкультурной коммуникации XXI века: когнитивно-концептуальные аспекты : мат-лы X Междунар. научно-метод. конф. – 2018. – С. 106–113.

12. Юнг К. Сознание и бессознательное / К. Юнг. – СПб. – М., 1997. – С. 68–69.

References

1. Petrenko A. F., Petrenko S. A., Orlova N. A., Fedotova I. B., Kazieva A. M. The archetype of the fool/the jester/the whacky and its artistic embodiment in the characters – “outsiders” in Sergei Dovlatov’s prose // National Academy of Managerial Staff of Culture and Arts Herald, 2019, № 1, pp. 122–131.

2. Zavrumov Z. A., Kazieva A. M. Ontologicheskij status tekstobrazuyushhej ironii v avtorskoj i personazhnoj sferax // Universitetskie chteniya – 2017. Materialy` nauchno-metodicheskix chtenij. Pyatigorsk, 2017, pp. 117–123.

3. Kazieva A. M., Brodzeli A. O. Avtorskij neomifologizm v romane L. Uliczkoj «Medeya i ee deti»: vektor razvitiya // Nauka v sovremennom mire: poisk innovacionny`x i kreativny`x reshenij. Pyatigorsk, 2019, pp. 119–130.

4. Kazieva A. M., Kadrbaj A. K. Prostranstvenno-vremennaya organizaciya xudozhestvennogo teksta kak konstruktivnaya zhanroobrazuyushhaya kategoriya // Gumanitarny`e issledovaniya, 2017, № 4 (64), pp. 120–124.

5. Kazieva A. M., Procenko O. Yu. Proyavlenie avtora kak literaturnogo personazha v proizvedeniyax E.L. Shvarcza // V sbornike: Nauka v sovremennom mire: poisk innovacionny`x i kreativny`x reshenij. Mezhvuzovskij sbornik nauchny`x i nauchno-metodicheskix trudov, posvyashheny`j pamyati professora L.N. Isaeva. Pyatigorsk, 2019, pp. 173–179.

6. Kazieva A. M., Procenko O. Yu. Cherty` romantizma v p`esax-skazkax E. Shvarcza // Universitetskie chteniya – 2019. Materialy` nauchno-metodicheskix chtenij, PGU, 2019, pp. 90–94.

7. Propp V. Ya. Istoricheskie korni volshebnoj skazki. M., Labirint, 2000. P. 225.

8. Procenko O. Yu., Kazieva A. M. Travestirovanie mifologicheskix i skazochny`x obrazov v tvorchestve Evgeniya Shvarcza // Gumanitarny`e issledovaniya, 2018, № 2 (66), pp. 85–90.

9. Procenko O. Yu., Kazieva A. M. Parodijnost` obrazov skazochny`x sushhestv v skazkax E.L. Shvarcza // Universitetskie chteniya – 2018. Materialy` nauchno-metodicheskix chtenij PGU. 2018. pp. 103–108.

10. Тронский И. М. Античный миф и современная сказка // С. Ф. Ольденбургу: к пятидесятилетию научно-общественной деятельности. Л., 1934, С. 534.

11. Шевель Е. А., Казиева А. М. Эстетическая игра в художественном тексте // В сборнике: Русскоязычие и би(поли)лингвизм в межкультурной коммуникации XXI века: когнитивно-концептуальные аспекты` Materialy` X Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoy konferencii. 2018, pp. 106–113.

12. Jung K. Soznanie i bessoznatel`noe. SPb – M., 1997, pp. 68–69.

doi 10.21672/1818-4936-2021-77-1-152-156

КОЛЬЦЕВОЙ И ЦЕПНОЙ ПОВТОРЫ В ДИСКУРСЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Петренко Светлана Анатольевна, кандидат филологических наук, Пятигорский государственный университет, 357532, Россия, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9, sve4917push@yandex.ru

Петренко Александр Филиппович, кандидат филологических наук, Пятигорский государственный университет, 357532, Россия, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9.

В работе описывается специфика функционирования двух видов повтора – кольцевого и цепного – в дискурсе известных современных романистов Лорен Вайсбергер и Мартина Эмиса. Выявляется целесообразность обращения писателей к данным типам повтора и производимый ими стилистический эффект. Отмечается, что повторяемость лексических элементов в виде кольца или цепи – действенное средство внутренней (логической) и внешней (прагматической) когерентности текста.

Ключевые слова: кольцевой повтор, цепной повтор, художественный дискурс, текст, стилистический эффект, когерентность